

ва по семантическому принципу и обладает специфическими структурными свойствами (взаимосвязанность элементов, их упорядоченность и иерархичность), требующими дальнейшего исследования.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М. : Яз. рус. культуры; Вост. лит., 1995.
2. Березовская Е.А. Ихтиологическая лексика в говорах Русского Севера : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
3. Большой толковый словарь донского казачества. М. : ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2003.
4. Кабинина Н.В. Об этимологических истоках севернорусских рыболовецких терминов «кибрик» и «кирбас» // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тез. докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26 окт. 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 349–350.
5. Лалаева Д.И. Лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
6. Лоскутова Д.Н. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2010.
7. Олесова Н.Г. Рыболовецкая лексика в говорах камчадалов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2006.
8. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой; авт.-сост. Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун. Волгоград : ВГИПК РО, 2006 – 2009.
9. Халюков Ю.В. Лексика орловских рыбаков : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008.
10. Lipka L. English Lexicology: Lexical Structure, Word Semantics & Word-formation. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2002.

Structural properties of the lexical and semantic field “Fishery” in Don Cossack dialects

There is considered the lexical and semantic field “Fishery” in Don Cossack dialect, which is the totality of lexical units united by the common semantic component (“fishery”). There are shown the basic signs of the given field, based on its structural components.

Key words: *lexical and semantic field, microfield, structure of the field, fishing vocabulary, Don dialects.*

А.Н. СМЕРНОВА
(Исков)

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА (на материале диалектной лексико-семантической системы)

Описаны динамические процессы, произошедшие в XX в. в исковском, новгородском и вологодском диалектном лексическом фонде, обозначающем предметы внутреннего убранства крестьянского дома. Анализируются специальные лексические показатели времени существования самих реалий или их названий. Сделаны выводы об изменениях в лексическом составе тематических групп наименований.

Ключевые слова: *внутреннее убранство крестьянской избы, лексические и синтаксические показатели времени, динамические процессы в диалектной лексико-семантической системе.*

Диалектная лексика, относящаяся к внутреннему убранству крестьянской избы, весьма многочисленна по составу и структурно предполагает классификацию, основанную на функциональном назначении самих реалий. Выделяются следующие тематические группы номинативных единиц: лексемы (и устойчивые сочетания), называющие предметы мебели, приспособления для хранения предметов культа, утварь, предметы временного размещения (колыбель, прятка) и другие предметы (рукомойник, осветительные приборы, зеркала), изделия из ткани.

Со второй половины XIX в. стал изменяться весь строй крестьянской жизни. Рост переселения деревенских жителей в города, усиление влияния города на крестьянскую жизнь повлияли на традиции, обычаи сельского населения. Новые условия жизни и мировоззренческие идеи вносили изменения как в строительную технику и материалы для жилых и хозяйственных построек, так и в предметный мир крестьянского жилища. Хотя темп этих изменений в разных местностях Северо-Запада России был различным, перемены в убранстве избы оказались в целом близкими.

По данным историко-этнографических исследований, интерьер жилых помещений стал заметно меняться с последней трети XIX в. В

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

начале XX в. произошла массовая замена черных печей печами с дымоходами [7, с. 93]. В обиход более состоятельных крестьян стала входить городская передвижная мебель: шкафы, комоды, буфеты, кровати, стулья, деревянные диваны; это привело к исчезновению нар и полатей [11, с. 52, 57]. Убранство крестьянского дома также пополнялось зеркалами, часами, фотографиями. Изменения коснулись и осветительных приборов: на смену лучине пришли керосиновые лампы [5, с. 101]. Материалы анкетирования, проведенного в Псковской области, свидетельствуют о том, что дольше всего в крестьянском быту сохранялось домотканое спальное белье и полотенца, но и они исчезают в 1970-е гг., поскольку многие ткацкие станы были убраны крестьянами на чердак в период между 1955-м и 1965 гг. [7, с. 94]. Добавим, что во многих деревнях на оккупированной во время войны территории Псковской области деревянные ставы сгорели при пожарах и поджогах: *Стаф нёмцы спалили, и где снують и где разматывьть* [4].

Изменения в интерьере были теснейшим образом связаны с изменениями в традиционном наборе предметов утвари, который сохранялся в крестьянском хозяйстве вплоть до конца 1930-х гг. [11, с. 13]. Таким образом, процесс замены вещей традиционного русского быта происходил постепенно, не вызывая внутреннего сопротивления человека. Люди выбрали для себя то, что необходимо, удобно.

Народная речь, являясь важнейшим лингвокультурологическим и этнолингвистическим источником, содержит указания на бытование реалий и их наименований в прошлом или настоящем. Сами диалектоносители отмечают значимые изменения в традиционном интерьере: *Я теперь смотрю, теперь совсем другое убранство в наших домах, чем раньше было. Раньше вы ни одной кровати в доме не найдете. Раньше ситца не было, занавесок на окнах не было... Простыней не было* [14, с. 69].

Обратимся к диалектным источникам для выявления языковых временных маркеров, отражающих время существования реалий внутреннего убранства русской избы. Представления о времени – важный элемент диалектной картины мира, хотя часто они могут быть выражены и имплицитно [2, с. 73]. Конститутивным компонентом внутриязыковой модели времени является точка присутствия в ней говорящего, от которой идет отсчет времени вправо – в будущее и влево – в прошедшее [1, с. 61].

Для отражения временного периода говорящий использует ряд разных языковых

средств: специальные лексические и синтаксические показатели. Время может быть фиксированным или нефиксированным на временной шкале [3, с. 56]. Для обозначения фиксированного времени используются лексические конкретизаторы. К лексическим средствам выражения оппозиции *прошлое – настоящее* относятся наречия времени, наречные сочетания со значением времени, наречия сравнительно-уподобительного типа. Понятия времени могут обозначаться с помощью прилагательных *старый, старинный, прежний, теперешний* в составе различных описательных оборотов, а также существительными с предлогом, морфологическими формами глаголов. Наречия со значением прошлого в говорах представлены разнообразнее, чем слова для обозначения настоящего, поскольку уже происшедшие события зафиксированы в сознании, памяти, они чаще становятся предметом беседы, особенно в речи пожилых людей – диалектоносителей. Следствием этого является не только обширность «территории прошлого», но и большая частотность лексем в речи [2, с. 73].

Отнесенность каких-либо действий и событий к предшествующему или настоящему наглядно отражается в языке в виде оппозитивности темпоральных наречий. По мнению И.А. Попова, в области отражения прошлого «имеют место две главные семантические оппозиции: наречия со значением 'давно' (длительное время тому назад) и наречия со значением 'прежде, раньше'» [9, с. 73]. Не все оппозиции наречий прошлого и настоящего времени реализуются в нашем материале, поскольку предметы быта и их названия составляют лишь часть диалектной картины мира. Представлены следующие группы оппозиций, относящихся ко второму типу: *раньше – нонче; раньше – теперь, ране – теперь, па-раньшему – теперь; раньше – сейчас; прежде – теперь; прежде – сейчас; досыль – теперь: Копотилок-то (керосиновые лампы без стекла) нонче нет, а раныше били* [12, с. 101]; *Раныше говорили покрывало на стол, а тинерь скатереть; Таперь салфеткь, а раные скатеркый звали; Карец называли паранышему, а теперь уже кофш* [4]; *Латки – эта чайки. Эта сичас тарелки-ть, а ранышы фсе латки* [10, XVII, с. 190]; *Канпелька – это деревянный диван. У кажиного в доме есть канпельки, теперь все отоманки. Прежде было много канпелек, и не видели отоманок. У канпельки четыре ноги и спинка* [6, IV, с. 18]; *Односпалок (большая длинная подушка) и не было прежде, сичас все односпалки делают* (Там же, VI, с. 139); *Досыль все ручником*

звали, а полотенцем **теперь** зовут. Да рушником утираемся [6, IX, с. 160]. Многие высказывания свидетельствуют о том, что реалия сохраняется в деревенском обиходе, а диалектное наименование утрачивается под влиянием городской речи и заменяется общерусской лексемой, которая расценивается крестьянином как более правильная.

Базовой лексической единицей для обозначения прошедшего периода является общерусское наречие *раньше*. Это и другие слова имеют широкий семантический объем – указание на прошлое вообще. Однако в речи данные лексемы чаще всего употребляются с особым коммуникативным заданием: как правило, они относятся к другому жизненному укладу, который сопоставляется (эксплицитно или имплицитно) с существующим в настоящее время. Давно прошедшее время может быть обозначено наречным сочетанием *в старинушке*, *по старинке*, например: **Ф старинушки парядаишны чашычки выдѣлывали, выберут карешок – звѣлися чашычки-далбашычки** [10, IX, с. 126]; **Утиранник на старинки нъзывѣли, а сѣйчас пълатѣнце** [4].

В диалектном материале при выражении временных отношений фиксируется субъектный план и определяются возрастные периоды в жизни человека. Например, лексические конкретизаторы, представленные существительным и субстантивированным прилагательным, указывая на возрастную группу диалектоносителей, относят употребление номинаций реалий к прошлому времени: **Старикѣ назывѣли рукомоѣник – гылѣк, глинѣные такѣ, з двумя нѣсиками и два ушкѣ, верѣфку – и к потолку** [10, VI, с. 161]; **Кринку-то муравкой называют старые-то** [6, V, с. 108]. Иногда говорящий с помощью словосочетания *в наше время* репрезентирует прошлое через синхронизацию с временем своей молодости: **В наше время вместо утюга каталиком пользовались: два деревянных предмета, один круглый, другой плоский с зубцами** (Там же, IV, с. 30).

Нефиксированное время проявляется как процессуальное и выражается временными формами глаголов, которые создают в тексте лишь общий план временной локализованности [3, с. 56]. В нашем материале самыми частотными являются глаголы, которые относят бытование реалии (глагол *быть* в прошедшем времени) или ее название к определенному временному плану (глаголы *звать*, *называть*): **Тѣсто ставили ф хлѣбные квашиѣ, хлѣбы посадят ф пѣчку, бѣли лопѣты хлѣбные** [10, XVII, с. 170]; **Гаршкѣ мы так назывѣли –**

жалѣзъники, па-культурѣнаму – чугунокѣ (Там же, X, с. 181).

К синтаксическим средствам выражения принадлежат как двучленные, так и усеченные конструкции, в последних вторая часть формально не представлена, но подразумевается общим содержанием предложения: **Раньше для умывания мы использовали глиняный гелѣк** [6, II, с. 11]. Это коммуникативно-неполное предложение, поскольку говорящий не отражает в своей речи последующие изменения в обстановке избы, но информант мыслит, что произошла замена предметов: наличие одного актуализированного члена оппозиции демонстрирует имплицитное сопоставление традиционного предмета обстановки и нового. Таким образом, в диалектной речи существует комплекс языковых средств для выражения временных оппозиций, который реализуется с помощью единства лексических и грамматических показателей.

Происшедшие изменения сельские жители в целом оценивают положительно: **Теперь в избѣ то наломано, чего только нѣту, а ране печка да лавка** (Там же, V, с. 154); **Коптюха была, при коптюхе учила, а теперь-то что, теперь электричество. В банке керосин, фитилек горел, без стекла, коптел, вот и коптюха** (Там же, IV, с. 107). Однако некоторые информанты сожалеют об исчезновении традиционных вышитых полотенец и навыков их изготовления: **Раньше рушники вышивали красивые, а теперь, наверно, и не умеют** (Там же, IX, с. 160).

Перемены, происшедшие в обстановке избы, повлияли и на лексический фонд сельских жителей: многие лексемы исчезли или сохранились только в памяти старшего поколения, в диалектную речь проникли заимствованные слова, произошли изменения в семантике слова. Наличие лексики, которая уже не имеет опоры в окружающей действительности и сохраняется только в памяти старшего поколения, характерно для современной лексической системы говоров [8, с. 7]. Подобные слова не употребляются в речи активно, но все же используются пожилыми информантами.

Для интерьера традиционного крестьянского жилища характерны простота и целостность включенных в него многочисленных предметов. Скромность обстановки была также порождена бедностью крестьян. Однако количество наименований значительно превышает состав реалий, чему способствует процесс словообразования, в результате которого появились семантически тождественные однокорневые параллели: например, псковские лексемы *набѣжник*, *набѣжничек* имеют зна-

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

чение 'полотенце для украшения икон' [13, с. 124]. Последующие изменения в обстановке привлекли в лексическое поле диалекта заимствованные из речи горожан слова литературного языка. Вследствие этого число номинаций возросло за счет появления новых корней: *буфет, зеркало, комод, кровать, лампа, стул, шкаф* и др. Многие из этих лексем стали базой для образования новых слов или описательных сочетаний: *комодец, комодик; кроватный / кроватный угол* – в псковских говорах; *зеркальное полотенце* – в вологодских говорах.

Некоторые корни, входя в употребление, стали функционировать не только в качестве наименований городских вещей, но и сходных с ними по функции традиционных реалий. Например, лексемой *кровать* называют не только современный предмет мебели, но и самодельное приспособление для сна, состоящее из доски, поставленной на деревянные чурбаны: *Хрвати были з досок, доски насланы и снали* [10, XVI, с. 177].

Изменения затронули и семантику диалектного слова. Например, лексема *постель* / *постеля* первоначально имела значение 'домотканый чехол, набитый соломой': *Пастели ранышы ткали. Набивали саломый. Снали* [4]; 'матрац, набитый соломой': *Лафки были ат пёчки да стёнки. Доски, на их пастели, паложым пастели, саломый набитыи* (Там же). Впоследствии это слово стали использовать для наименования фабричного матраса: *Пасудник, пастелю нёву куплять* (Там же). Таким образом, изменения затронули все выделенные в исследовании группы предметов, относящихся к традиционному внутреннему убранству крестьянской избы, и нашли отражение в лексическом фонде диалектоносителей.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Время: Модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время: посвящ. светлой памяти Н.И. Толстого. М.: Индрик, 1997. С. 51 – 61.
2. Белякова С.М. Прошлое и будущее в диалектной картине мира // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 2. С. 73 – 80.
3. Варламова В.В. Способы выражения временных значений в современном русском языке // Рус. яз. в школе. 2006. №6. С. 56 – 60.
4. Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псков. гос. пед. ун-те и в Межкаф. словарном каб. им. проф. Б.А. Ларина при СПбГУ).

5. Кондратьева О.А. Быт и культура крестьян Северо-Запада России в XIX – начале XX вв. // Псков. 1999. № 11. С. 98 – 109.

6. Новгородский областной словарь / отв. ред. В.П. Строгова. Новгород: НГПИ (НовГУ), 1992 – 2000. Вып. 1 – 13.

7. Новожилов А.Г. Динамика традиционной культуры сельского населения Псковского пограничья во второй половине XX в. (Печорский, Пыталовский, Палкинский районы) // Международная научная конференция «Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания)»: в 2 т. / отв. ред. В.В. Седов. М.: МГУП, 2003. Т. 2. С. 89 – 95.

8. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982.

9. Попов И.А. Наречия со значением 'давно', 'прежде' в русских народных говорах // Диалектная лексика 1977 / отв. ред. Ф.П. Филин, Ф.И. Сороколетов. Л.: Наука, 1979. С. 72 – 90.

10. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б.А. Ларина [и др.]. Л. (СПб.): СПбГУ, 1967 – 2009. Вып. 1 – 21.

11. Русская изба: илл. энцикл. / под ред. Д.А. Баранова [и др.]. СПб.: Искусство-СПб., 2004.

12. Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1987. Вып. 3.

13. Смирнова А.Н. Традиционные изделия из ткани как отражение функционального членения внутреннего пространства крестьянской избы (лингвотопографический аспект) // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл): материалы секций XXXIX Междунар. филол. конф., г. С.-Петербург, 15 – 20 марта 2010 г. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2010. С. 122 – 128.

14. Фольклорно-этнографический архив Псковского педуниверситета. Пустошкинский район Псковской области. 1989. Тетр. № 5, 50. «Интерьер крестьянской избы». С. 69 – 70.

Dynamic processes in the vocabulary as the reflection of subject world of peasant habitation (based on the material of dialectal lexical and semantic system)

There are described the dynamic processes, which took place in the XX century in the dialectal vocabularies of Pskov, Novgorod and Volgodonsk, and regarding the objects of inner decoration of peasant's habitation. There are analyzed the special lexical time signs of the objects or their names. There are made the conclusions about the changes in the lexical structure of the thematic groups of the names.

Key words: inner decoration of a peasant log house, lexical and syntactic signs of time, dynamic processes in the dialectal lexical and semantic system.